E2 5/29

E9 5/29

Р. В. 1857. Генв.
Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. № 475654
193 г.

ПУГАЧЕВЩИНА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА МЕРТВАГО.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Настоящій отрывокъ изъ воспоминаній о пугачевщинѣ составляетъ начало записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго о его жизни. Записки всѣ вполнѣ будутъ доставлены мною въ редакцію «Русскаго Вѣстника»; онѣ отданы въ мое распоряженіе сыномъ автора, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Мертваго, роднымъ дядей моей жены, для напечатанія изъ нихъ всего того, что̀, по семейнымъ отношеніямъ и другимъ соображеніямъ, можетъ быть сообщено публикѣ. Записки Д. Б. Мертваго, какъ и онъ самъ и его семейство, находятся въ нѣкоторой связи съ «Семейной Хроникой и Воспоминаніями» С. Т. Аксакова, возбудившими такое всеобщее сочувствіе и любопытство въ нашемъ обществѣ.

Д. Б. Мертваго былъ крестнымъ отцемъ С. Т. Аксакова, который объ этомъ упоминаетъ въ своей книгѣ. Екатерина Борисовна Чичагова была родная сестра Д. Б. Мертваго; о ней часто говорится въ «Хроникѣ», какъ о самой близкой знакомой молодыхъ Багровыхъ. *Мертовщина*, въ которую ѣздили Багровы, и есть то самое имѣніе, изъ котораго бѣжало семейство Мертваго во время пугачевщины, какъ описывается въ настоящемъ отрывкѣ. Д. Б. Мертваго не разъ называется въ «Хроникѣ» однимъ изъ образованнѣйшихъ людей уфимскаго общества.

Записки свои составилъ Д. Б. Мертваго по убѣжденію Державина, съ которымъ онъ также находился въ близкихъ отношеніяхъ (1).

В. Безобразовъ.

27 декабря 1856 г.

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясало основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбирской губерніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная, впрочемъ только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

---

(1) Предлагаемъ біографическое свѣдѣніе объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

«Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ Провіянтской Экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ, въ 1803 году таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 генералъ-провіянтмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23-го іюня 1824 года.

«Пылкій и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность соображать происшествія замѣняли ему недостатокъ ученія при воспи-

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженное имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близь нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли предъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званаго на праздникъ, который увѣ-

---

танiи. Къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

«Оставшись четырнадцати лѣтъ, по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потомъ и дѣтямъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣломъ всегда доказывалъ искреннюю дружбу и нѣжную любовь къ нимъ.

«Кроткое и человѣколюбивое обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждало въ нихъ усердіе служить и угождать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтеля.

«Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступилъ въ бракъ съ Варварою Марковною Полторацкою, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-нѣжный отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ.»

домлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ семействомъ своимъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись наскоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и наконецъ строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, было для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близь большаго лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ, пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть полянка, близь которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ осьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцати, что дорога туда такъ дурна, что не легко доѣхать до поляны, и что не

многіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру могли мы доѣхать до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обѣщаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано по утру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали шалашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человѣка составляетъ все его блаженство, и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстію, что нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоцѣнное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ пріобрѣтающій однѣ временныя выгоды не наслаждается ими, бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстію, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его, и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ, и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бун-

товщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣданія, что̀ тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что̀ ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстнаго тогда волненія никто ничего не покупалъ, а всякій все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому задержавъ его, стали разспрашивать, что̀ онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали, сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить, и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага,— не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти.» Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большомъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, очувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляніе изъ ружей и крикъ около себя: «ищите и бейте.»

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выйдти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шуму, пошелъ

къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окровавленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и изнѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, незнающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волѣ Господа, обѣщалъ хранить завѣщаніе отца моего, плакалъ, не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ видѣлъ я его въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе, и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, послышалъ я шорохъ въ сторонѣ; я опросилъ. Голосъ мой узнали мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ, и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались, и не зная куда идти, остались ночевать подъ деревомъ.

Поутру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная, куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте.» Я схватилъ за руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая однако ее не защитила; острее, разрубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ ея сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся, и выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ; они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что̀ съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ,

сняли съ насъ все платье и обувь и, не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однѣхъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ большія собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣжалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ, что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и обѣщалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго анбара, намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ, и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго анбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго анбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шеѣ въ воду; другіе — повѣсить, застрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти; но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что, будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, маль-

чика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ дать 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариѳметики, и наконецъ признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретаремъ, разказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разказовъ, одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любитъ долгихъ волосъ, это бабамъ носить прилично.» И тутъ же, прислонивъ меня къ близъ-стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ, и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ, надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянныя хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть-можетъ понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса

а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, раздать въ пріемыши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня не много въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разказалъ, какъ найдти деревню и домъ его, и потомъ сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ѣхавши въ лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ Мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Чрезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не велѣно принимать дворянъ.

Я повиновался, и выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту деревню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ, ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ Мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на палати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ, хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ съ своимъ ребенкомъ, собиралась уже идти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ палатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; по утру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покатившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ..» Послѣ этого, снявъ съ палатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнницу; положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь, и одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего во снѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня, и убѣдительно просилъ не губить его, и пока люди еще спятъ, выйдти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ самъ плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; провелъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во вѣки намъ не видаться.

Разставшись съ человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣна, молился Богу, и братьямъ велѣлъ то же дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя разцарапали мы до крови; меньшой мой братъ не могъ вовсе идти ; я посадилъ его къ себѣ на плеча, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію Мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне.»—«Стой! куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть ноши на плечахъ, разбитыя, изцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спасаться бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подъѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, то получатъ за каждаго по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близь котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близь церкви, пошли къ толпѣ народа, собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили не далеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются,

простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отъѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я сквозь щели телѣги, брошенныя близь дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня. — «Въ городъ, отвѣчалъ онъ; — потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ.» Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найдти тѣла матушки и сестеръ, и проститься съ ними; но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься.»

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучитъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, стращая гнѣвомъ Божіимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ поворотиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большему мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебреная, тебѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердишься на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ по прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора.» Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По пріѣздѣ въ городъ, представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждаго изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близь канцеляріи.

Насилу съ помощію какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ

множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила, «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разказала, что человѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленныя ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и почтеніе; даже человѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время, и привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіе двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для поданія милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ.—«Его вчера повѣсили въ деревнѣ вашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ; у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣнахъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разказать подробности нашего несчастія. Женщина эта разказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что̀ тотчасъ было исполнено. потомъ узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, про-

силъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платье, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди тотчасъ же переправились вплавь чрезъ рѣку, и не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ, и собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что, кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали вести его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью; послѣ чего казаки повѣсили его, и стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ, и тамъ въ тинѣ оставили.... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ, знавшіе его, единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ то же; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близь церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода (1) идетъ, сѣчетъ и рубитъ.» Вскорѣ послѣ того показались бѣжав-

(1) Не задолго предъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца, и замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спасаться бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата, и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

*

шіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго въ воеводы самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ (1); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «возьмите его!» Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ предмѣстіи тотчасъ явились къ нему, что̀ и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ Государыни объявилъ онъ всѣмъ, что преступленіе ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщалъ давать по одной копѣйкѣ въ день жалованья и назвалъ ихъ *копьйщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ нимъ изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восьмнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находив-

(1) Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу, и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ уѣздѣ, и приказалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мущину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

шейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора по случаю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками, то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ, отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подъячій, котораго мать была попадьею въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромой и престарѣлый регистраторъ, отецъ подъячаго, сдѣлалъ тоже предложеніе, но съ тѣмъ, чтобъ я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему, что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подъячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошелъ вонъ, теперь не до тебя.» Я вышелъ изъ судейской и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подъячему, который научилъ меня сказать часовому изъ ново-набраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы, взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и когда мы пришли въ домъ подъячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами, и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день предъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ, и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служитъ самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ

грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь, и при множествѣ собравшагося народа высѣкъ плетьми. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженныя парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся съ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе домы грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всѣ вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря ни кому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги, высѣченными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною, — приказалъ сыскать козаковъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что̀ и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было не продолжительно, и я вскорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный баталіонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и воевода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощеніе, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетьми.

По возвращеніи своемъ, Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятдесятъ рублей. Я полагалъ, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ «смѣлъ ты обмануть часоваго и увести свою мать, братьевъ и «сестеръ изъ-подъ караула?» Я съ кротостію отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказалъ бы выпустить ее изъ тюрьмы. «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посылки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это отъ того, отвѣчалъ я, что нѣтъ у меня пятидесяти рублей.»— «Ахъ ты сарафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. «Родился я съ тѣмъ, возразилъ я, чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ.» Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопалъ и закричалъ: «Розги! я высѣку тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго, набойчатаго халата, убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призвалъ старика подъячаго, и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгналъ изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель, и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подъячаго; но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказав-

шись больнымъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію, и заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержалъ казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлать въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому однако же не найдено было ничего, что̀ бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили; упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу, и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подъячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ былъ грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было войдти за нимъ въ канцелярію; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили насъ.

Возвратившись домой, я разказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ̀ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ оренбургскую деревню узнать, что̀ тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина, и одинъ, пѣшкомъ, въ разорванной одеждѣ, пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался самъ идти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содержанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили; но онъ не послушался, и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру, и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради не пускайте его ко мнѣ!» Я велѣлъ ему идти за собою, и взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ.»—«Отъ васъ зависитъ оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи, и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Бѣлокопытовъ, видя въ подъяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ паннихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ, и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ.

Часъ отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости, и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на росписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя

мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Бѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было меня до бѣды, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго состоянія, и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ, и почти ежедневное зрѣлище смертной казни, завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводителемъ, и играли въ войну. Однажды, собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина, ровестника мнѣ, и также какъ я чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть Этотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся, и прикрывъ спину рогожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что, для надзора за его движеніями, я поставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастію нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, прибѣжалъ, и вовремя снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать, — и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія,

что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми, и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ, и солдатъ, только пожуривъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ, и отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобной забавы, и игралъ только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать, и хотя выпустилъ подъячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что̀ хозяинъ нашъ однакоже не согласился. Упорство подъячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и вѣроятно убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ постоя многіе дома̀, гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы съ перегородкой, гдѣ мы жили, горницы, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и не большой избы для людей на дворѣ: поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ.» Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти слишкомъ верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали, какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ; но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру до-

тащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ, и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь; съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ, съ сестрами и женскою прислугой помѣститься въ монастырѣ у игуменьи, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Вслѣдъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подъячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ свой черный кафтанъ, и пошелъ къ командующему полкомъ бригадиру Пилю, у котораго тогда было много офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадиру и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій всевозможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьей пристанища по злобѣ воеводы; разказалъ ему причину этой злобы, и не скрылъ того, что назвалъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и съ слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера, и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами, и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уйметъ воеводу, оживило всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не вовремя допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія; но воевода не только, по обыкновенію, не побилъ его, а даже и

не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ пріѣхавшею къ намъ игуменьею и собравшимися богомольными старушками и на другой день, поутру, приказала мнѣ идти къ бригадиру благодарить отъ ея имени за оказанныя намъ милости. Пиль принялъ меня очень ласково, разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя, занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ, который, какъ казалось, очень его боялся, и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня пріятно.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ, на второй день своего пріѣзда, прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день, въ шесть часовъ утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что̀ это за вызовъ и для чего; богомольныя старушки учили меня, каждая по своему, что̀ дѣлать, и что̀ говорить; но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ. Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойдти къ столу и пріятнымъ тономъ сказалъ: «Разкажи мнѣ, мой другъ, всѣ приключенія твои исторически.» Я разказалъ ему все подробно, кромѣ того, что̀ касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разказа графъ разчувствовался, плакалъ, нѣжно,

какъ отецъ цѣловалъ меня, и сказалъ: «скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить нѣсчастіе ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что кромѣ Бога никто этого не можетъ сдѣлать, и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй, что́ хотите вы съ нимъ дѣлать?» (1) Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду. Но графъ возразилъ: «Я властенъ, что̀ хочу, — и такъ спроси у матушки своей, и скажи мнѣ; я такъ его накажу, ка̀къ вамъ будетъ угодно.» На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я разказалъ, по приказанію матушки, все, что̀ со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, насъ облагодѣтельствовавшій, и воевода Бѣлокопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за безпорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принялъ, подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ, и обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую его сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется; но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не согла-

(1) Человѣкъ этотъ, сдѣлавшій намъ много зла, при допросѣ показалъ, что, боясь пытки, объявилъ о мѣстѣ, гдѣ мы скрывались. Матушку и сестру ударилъ дубиною по головѣ, чтобы доказать мятежникамъ, что онъ присталъ къ ихъ толпѣ; а участвовалъ въ убійствѣ, думая, что батюшка, узнавъ о его поступкѣ, не оставитъ безъ наказанія. Человѣкъ этотъ, такимъ образомъ вовлеченный изъ одного злодѣйства въ другое, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

шается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ не хорошо, и видя, что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вмѣстѣ съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость, и разказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово,—и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близь игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы, бригадирша подошла къ игуменьѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за ними, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посѣщеніями, и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ, она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за всѣ оказанныя намъ милости, — но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненіе.

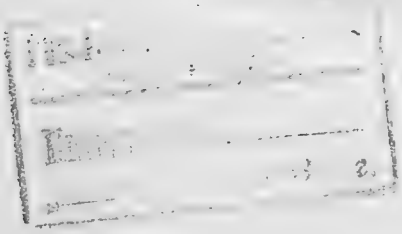
Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы нѣсколько погодя, потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою, и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ

начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодаритъ за то Бога, и у Него проситъ ей воздаянія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что кромѣ тягости, она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтныхъ дѣтей требуютъ ея попеченія, и она въ исполненіи своихъ обязанностей должна видѣть волю Божію; но матушка отвѣчала все одно и тоже: «Богъ имъ отецъ, и Онъ устроитъ ихъ участь.»

Однако вскорѣ она согласилась съ мнѣніемъ новой нашей попечительницы и обѣщала къ ней пріѣхать, только не къ-обѣду, потому что, слѣдуя монастырскимъ правиламъ, ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя всѣ это знали.

Послѣ обѣда мы всѣ пошли къ бригадиру. Ласковый и почти родственный пріемъ, казалось, былъ пріятенъ матушкѣ; но начавшійся благовѣстъ къ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ, и не слушая никакихъ просьбъ, она со всѣми нами отправилась въ монастырь. Игуменья, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхою любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у насъ и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку придти въ себя и имѣть о насъ должное попеченіе, и можетъ-быть спасла насъ отъ погибели, которая легко могла случиться отъ непризрѣнія въ ребячествѣ.



Arcondit C-153